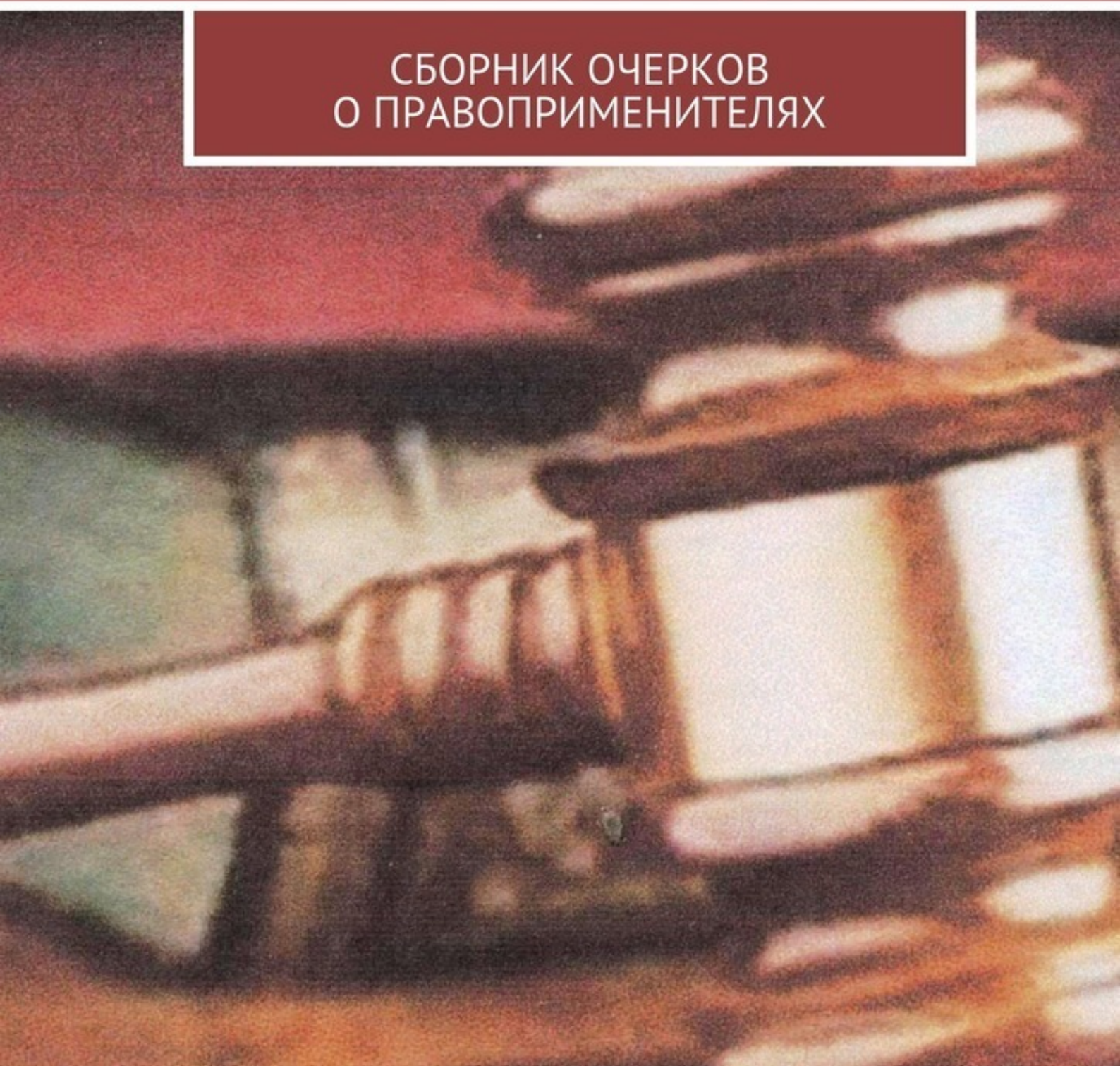

ГЕННАДИЙ МУРЗИН

ЧЕСТЬ ИМЕЮЩИЕ

СБОРНИК ОЧЕРКОВ
О ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯХ

Геннадий Мурзин

**Честь имеющие. Сборник
очерков о правоприменителях**

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Честь имеющие. Сборник очерков о правоприменителях /
Г. Мурзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909567-1

Название этой книги говорит само за себя. Но все-таки: кто сейчас стал героями Геннадия Ивановича Мурзина? Если коротко, то это люди, которые служили и служат верой и правдой его величеству Закону, истинные профессионалы-юристы, ни разу и ничем не запятнавшие своих имён, считающие, что для них любая сделка с совестью априори неприемлема. Жизнь их непростая. Отношение в обществе неоднозначно. Но они не угодничали раньше, не подлаживаются и под требования новых времен.

ISBN 978-5-44-909567-1

© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к книге	6
«Сверчок», забывший про «шесток»	9
1	9
2	10
3	11
4	13
5	16
6	17
7	20
8	22
Ему не надо судьбы иной	23
1	23
2	25
3	26
4	29
5	30
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Честь имеющие

Сборник очерков о правоприменителях

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин
Корректор Геннадий Мурзин
Фотограф Сергей Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2018
© Сергей Мурзин, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-9567-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Севастополь, октябрь 2017. Писатель и публицист Геннадий Иванович Мурзин. Любой читатель может выразить свое мнение о достоинствах и недостатках книги, направив письмо на электронный адрес – gim41@mail.ru.

Предисловие к книге

Многое помнится, многое память воскрешает и часто возвращает меня туда, где были интересные встречи с разными людьми. Их тысячи. Они разноликие: добрые и злые, честные и лживые, смелые и трусливые, подхалимы и лепящие правду-матку в глаза. Одними восхищался, а другие вызывали во мне лишь отвращение, однако всех общество считало плоть от плоти советскими людьми вплоть до развала СССР.

Тысячи встреч. Разные встречи. Но для этой книги отобрал (так я считаю) пятерку достойных из достойных, забыть которых не могу и не хочу.

Мы все еще сетуем: не те, мол, люди служат в правоохранительных и правоприменительных органах; не те, которые сегодня нужны обществу; оттого, мол, и беда в России с соблюдением законности и правопорядка.

Это так... Точнее – не совсем так. Потому что руководители-то очень и очень разные, хотя и пришли все они из недавнего коммунистического прошлого, как, впрочем, и всё нынешнее российское общество, как и те, которые нынче Россией рулят. И «болячки» у них те же, что и у каждого из нас.

Никогда не соглашусь с утверждением о том, что нынешняя юридическая элита сплошь состояла и состоит из людей, угодливо заглядывающих в рот начальству, лизоблюдствующих; людей без чести и совести.

Слава Богу, встречал на своем жизненном пути других юристов, которые служили и служат одному господину – Его Величеству Закону, причем, без учета бушующих политических страстей.

Кстати. Читатели моих детективных романов часто недоумевают. По поводу? Они считают, что положительный герой детективной литературы – это плод моей разыгравшейся фантазии; что таких следователей прокуратуры или «ментов» попросту в жизни нет и быть нынче не может. Сомнения оправданны. Как мне их развеять? Только одним: познакомить обывателя (в это слово вкладываю самый лучший смысл) со своими героями. Но не с теми героями, кои заселили литературные вещи, а именно с теми, которые реально живут среди нас, сегодня живут. Прочтите эту серию очерков, и вы поймете, откуда берутся «положительные образы» для моих романов и повестей.

Безумно, знаете ли, влюблен в людей, которые не сидят сложа руки и не ждут манны небесной; которые готовы исполнить свой профессиональный (человеческий – тоже) долг до конца. И исполняют! Исполняют даже в тех случаях, когда такое «усердие» вызывает в верхах крайнее раздражение, перерастающее чаще всего в ненависть, в крайнюю степень озлобленности.

Неудобно прыгать выше головы. И трудноато: не каждому по силам. Да и опасно: можно шею свернуть. Хоть и фигурально говоря, но все равно мало приятно. Уж так велики издержки «производства»! Настойчив? Непримири? Прешь напролом? Не желаешь обходить «острые углы»? Ты сам себе выбрал судьбу и, значит, можешь напроць забыть о карьере, соответственно, и о более высоком доходе; не заикайся об улучшении жилищных условий, выкинь из головы также и возможные иные блага. Почему? Потому что все это – в руках... Нет, не Божьих, а начальственных, значит, далеких от справедливости, от деяний праведных.

Многие, ну, очень многие держали и держат нос по ветру. Приведу для примера лишь один, но крайне скандальный пример бесчестия. А иначе случившееся и не назовешь.

Представьте себе: грандиозный скандал обошел города и веси матушки-России. А в самом эпицентре этого скандала оказался не кто-нибудь, а сам Свердловский областной суд, точнее – один из судей этого суда, а именно: господин Ромашков. Так уж устроена

система правосудия: за спиной каждого судьи стоит в целом суд, даже, если решение и принимается единолично.

Очень коротко о сути скандала.

Губернатор Свердловской области любит периодически шокировать публику неожиданными заявлениями. Вот и в этот раз тоже. Он заявил, что никому не разрешит увозить в Москву найденные под Екатеринбургом останки членов царской семьи. Он решил владеть оными останками на правах региональной собственности.

С ним – все ясно. С его заявлениями все свыклись.

Но каково же было удивление, когда в ответ на слова губернатора судья Ромашков неожиданно (и для коллег, и для руководства) единолично принимает постановление, которым накладывает запрет на перевозку в Москву тех самых останков.

Зачем? Ради каких целей господин Ромашков подключился к этому делу? Были ли у него к этому какие-либо основания? Лично у меня сразу на сей счет были серьезные сомнения. Потому что останки царской семьи, найденные под Екатеринбургом, говоря юридическим языком, являются вещественными доказательствами преступления (на тот момент), совершенного в период гражданской войны, преступления, по которому возбуждено уголовное дело, находящемуся сейчас в производстве прокуратуры России. А в этой ситуации никакой судья не вправе вмешиваться в действия следователя.

Результат? Прокуратура обратилась с протестом в Верховный Суд России, который незамедлительно отменил постановление суда, как документ, принятый с грубым нарушением законодательства.

Да, справедливость восстановлена. Но цена-то, цена какая?! Покрыт позором Свердловский областной суд – в целом суд, а не судья Ромашков. Ведь в определении, принятом Верховным Судом Российской Федерации, даже и намек нет на того, кто подписал то самое скандальное постановление.

И еще скажу. Авторитет Свердловского областного суда в Москве очень высок. И заслуженно! Я, например, знаю, что случаи отмены приговоров, определений и постановлений, принятых региональным судом, настолько редки, что случай с Ромашковым оказался для всех судей, здесь работающих, можно сказать, звонкой пощечиной. Унижение? Да! Более того, поставлен под сомнение профессионализм судей в целом Свердловского областного суда, хотя они этого и не заслужили. Все! За исключением, конечно, господина Ромашкова. И как он дальше-то будет отправлять правосудие? Даже не знаю.

Впрочем, за его судьбу не стоит беспокоиться. Ведь он так хорошо подыграл в политических играх всесильному губернатору, а тот, как известно, такие услуги умеет вознаграждать. В долгу, короче, не останется.

Независимость – удовольствие весьма-таки дорогое, поэтому и не все её, то есть независимость, избирают в качестве жизненной установки. Что же их ждет? Ясно, полная зависимость.

Случается и такое, когда еще вчера полностью зависимый юрист сегодня совершает некие рискованные трюки: пробует разорвать опутавшие его тенёта, открыто идет на конфликт. Что в итоге? Достигает юридической истины, но при этом теряет всё или почти всё: утратив благорасположение верхов, не рассчитывая, что оное вернешь. Ослушников верхи не прощают. Не простят, если даже десятилетиями, стоя на коленях, станешь «замаливать грешки». Все равно ты отныне в этой стае чуждой, то есть человек, которому, как они считают, нельзя доверять.

Первый мой опус из представленной серии – это очерк о человеке абсолютно бескомпромиссном, если речь заходит об исполнении Закона; о человеке исключительной «вредности»; о человеке с невозможно «тяжелым» характером; о человеке, который сам толком не живет и другим не дает.

Я, понятно, полностью на стороне этого человека. А ты, читатель? Может, у тебя иное мнение и ты не столь однозначно оценишь личность моего героя, познакомившись с ним поближе? Что ж... Сколько людей, столько и мнений. Это – хорошо. Худо, очень худо тем, у кого никогда не бывает своего мнения и которые угодливо готовы плясать под звонкую начальственную дуду.

«Сверчок», забывший про «шесток»

1

Итак, знакомьтесь!

Кто же тот первый мой герой, о котором хочу рассказать? Это – Василий Валентинович Калинин (Бога ради, только не подумайте, что это тот самый Калинин, который генерал, который служил в МВД, который впоследствии «тянул» отмеренный срок в спецколонии №13¹, одновременно с другим генералом, Чурбановым, любимым зятем дорого Леонида Ильича Брежнева. Нельзя забыть и другого «сидельца» – знаменитого «генерала Диму», который, выйдя на волю, осел в Москве (а где ж ему еще-то оседать?!) и занялся адвокатской практикой. Дела у него, судя по всему, идут очень даже успешно. Не могу не упомянуть, раз уж зашел разговор о знаменитостях, еще об одном «сидельце» – это всемирно почитаемый бард Новиков, у которого репертуар весьма специфичный – в основном, тюремный. А о чем, простите, ему еще-то петь, как не о том, что ему больше всего известно и понятно? Он, Новиков, на выборах активно поддержал представителей одного из преступных наших сообществ. Деталь, конечно, но важная.

Буду справедлив и укажу, что ОПС «Уралмаш» поддержал не только Новиков, а, к примеру, и патриотически настроенный певец Иосиф Кобзон. Он, правда, об этом сейчас не вспоминает, но из песни слов не выкинешь: своими глазами видел в Екатеринбурге Кобзона, специально приезжавшего к нам, чтобы публично оказать моральную поддержку не кому-нибудь, а лидеру ОПС Хабарову² и его подельникам, о чем выступил даже на одном из местных телевизионных каналов.

Наконец, нельзя умолчать и о губернаторе Среднего Урала, который ценил и уважал тех самых *«ребят»* и открыто признавался, что с ними, то есть с теми крутыми парнями, можно иметь дело; по-прежнему не раскаивается, что успешно ладил с ОПС.

Список знаменитостей, в разные годы посетивших гостеприимную землю Среднего Урала, мог бы продолжаться и дальше.

---

¹ Эта элитная колония находилась в Нижнем Тагиле и многим знаменитостям она хорошо была известна. Обожали там бывать журналисты и брать у тех знаменитостей интервью, автор книги – не исключение (*здесь и далее – примечания автора*).

² Его судьба незавидна. Пройдет несколько лет и окажется Хабаров в СИЗО, где на его шею кто-то затянет удавку. Чьих рук возмездие? Не установлено.

2

...Мой Калинин – выше среднего роста, сухощав, строен, моложав, энергичен. Социальное происхождение? Не знаю. Потому что никогда не задавался этим вопросом. Образование? Юридическое, разумеется, высшее (недоучки обычно находят себя в современном российском бизнесе).

Он – прокурор. Как попал (это случилось в самом начале перестройки, когда по стране зашелестел «ветер перемен») в прокуратуры? Ответ абсолютно банален и ни для кого не окажется неожиданным: конечно же, из партаппарата. Уточняя: из аппарата Нижнетагильского горкома КПСС Свердловской области. Кто-то нынче умалчивает о своих «корнях, а он?

– Да, я ставленник партноменклатуры, – говорит Калинин и спрашивает. – Ну и что? Разве были тогда другие прокуратуры? Могли ли они занять свои посты в обход КПСС?

Я развожу руками, потому что знаю ответы на его вопросы.

Да, выдвигали своего человека на руководящую должность³. Да, оказывали доверие. Но каждый при этом отлично знал: кто выдвинул, тот и «задвинет» в любой момент, если станешь нарушать неписанные, однако свято исполняемые, правила игры. Главное правило я формулирую так: законно лишь то, что исходит из стен руководящего партийного органа КПСС. Это – первично, а всё остальное – вторично, имеющее прикладное значение. И хотя теоретически прокуроры назначались Москвой, а потому, вроде бы, находились в некоем привилегированном положении и напрямую не подчинялись местным органам власти, практически же прекрасно знали, в чьих руках на самом деле их судьба. Поэтому-то многие жили в мире и согласии с местной партийной верхушкой.

Калинин, заняв прокурорскую должность, знал все это. Он также понимал, что, став Нижнетагильским транспортным прокурором⁴, обязан оправдывать оказанное партией высокое доверие.

Василий Валентинович был молод, умен, образован, то есть вполне перспективен.

Однако уже через несколько месяцев его «доверители» – секретари Нижнетагильского горкома КПСС – забеспокоились, занервничали. Хотя внешне Калинин и не давал повода: будучи по природе пунктуальным, всегда являлся в горком КПСС на «инструктивные» совещания, внимательно выслушивал очередные «тезисы партии», не спорил, то есть старался (без крайней на то нужды) не дразнить «гусей», не раздражать отцов-попечителей. Парработники – люди ушлые, поэтому интуитивно почувствовали в своем вчерашнем собрате нечто, чуждое и враждебное им. И сразу насторожились. И не без оснований.

---

³ Кстати: тогдашний прокурор области Туйков, прежде чем занять этот пост, поработал заведующим отделом административных органов Свердловского обкома КПСС, явившийся, не собираюсь скрывать, прообразом одного из героев романа «Псы одичалые», изданного отдельной книгой в одном из московских издательств.

⁴ Транспортные прокуроры действовали и действуют параллельно с территориальными. Взаимодействуют, когда надо, но не более того. В исключительную сферу влияния транспортных прокуратур входит транспорт и все, что с ним связано, – железнодорожный, водный, воздушный.

3

Ведь как было? Каждый «сверчок» должен был знать свой «шесток»; он не вправе был совать свой длинный нос туда, куда совать ему не положено; не верещать, если не получил на то благословение верхов.

Калинин же повел игру по другим правилам.

Первые раскаты грома пронеслись над Нижним Тагилом уже в 1986 году.

Автор этих строк стал невольным свидетелем того, как тогдашний начальник Свердловской железной дороги⁵, потрясая в воздухе самой главной партийной газетой в СССР, захлебываясь от гнева, с трудом подбирая из русского лексикона приличные слова (рвались-то наружу совсем другие выражения) кричал все, что он думает о Нижнетагильском транспортном прокуратуре, авторе буквально небольшой заметки (на сотню строк), опубликованной в последнем номере «Правды».

Всплеск эмоций обрушился для начала на голову тогдашнего Уральского транспортного прокурора⁶, которому напрямую подчинялся Калинин. Ну, а дальше...

Что так разгневало большого начальника? Без пояснений, хотя бы коротких, никак не обойтись.

Железнодорожники всегда слыли отчаянными борцами за сокращение простоя вагонов под погрузкой и выгрузкой на подъездных путях своих клиентов, то есть на путях промышленных предприятий, которых именовали и именуют сейчас грузополучателями. Последние хорошо знали, насколько жестки санкции их ждут, если не уложатся в установленную норму простоя подвижного состава⁷. Не миновать огромных штрафов.

Но парадокс: если подвижной состав стоит на подъездных путях промышленного предприятия больше нормы, то за каждый час накручиваются большие штрафы; если тот же самый подвижной состав стоит сутками на станциях, то есть на путях магистрального железнодорожного ведомства, то за это никто уже не несет никакой ответственности, в том числе и не следуют штрафные санкции.

Это непорядок, чудовищная бесхозяйственность в масштабах СССР, по мнению Калинина, которую следует устранить во всесоюзном масштабе. Завод или фабрика – это государственные предприятия? Да! А железная дорога что? Тоже государственное предприятие. Значит? Статус предприятий один, однако мера ответственности перед государством разная. Прокурор и предложил на страницах центральной газеты уравнивать всех как в правах, так и в обязанностях, то есть пусть железная дорога также платит штрафы за сверх нормативные простои вагонов на своих путях.

Кто-кто, а железнодорожные начальники сразу заметили эту «бомбу замедленного действия»: попади заметка с «идеями» прокурора на глаза Минфину или Госплану, то там сразу ухватятся и тогда МПС станет платить за собственную бесхозяйственность огромные деньги.

По мнению начальника дороги, заметка в «Правде» – это не что иное, как удар ниже пояса, от которого нестерпимая боль. И кто возбудитель этой боли? Транспортный прокурор, по мнению крупного хозяйственного руководителя, призван не палки в колеса вставлять, а помогать, иначе говоря, действовать лишь так, как это выгодно и удобно ведомственному монстру.

Помню, как Нетунаев встал и сказал, отвечая на гнев начальника:

---

⁵ Нужно пояснить сегодняшнему читателю, что это по тем временам была грандиозная фигура. Достаточно сказать, что начальник дороги назначался министром путей сообщения, однако утверждался на заседании Секретариата ЦК КПСС, то есть на самом-самом верху... Так что его голыми руками взять было нельзя.

⁶ Это примерно то же самое, что прокурор области.

⁷ Подвижной состав – это крытые вагоны, полувагоны, цистерны, платформы, рефрижераторные секции, хоппер-дозаторы.

– Я поговорю с Калининным...

Развалясь в кресле, Скворцов отвечал:

– Да, уж, сделай одолжение... поговори... хорошенько так поговори... Чтобы впредь неповадно было лезть туда, куда его не просят.

Нетунаев, Уральский транспортный прокурор, мог защитить Калинина. Даже обязан был защитить и осадить явно зарвавшегося самодура-руководителя. Защитить хотя бы потому, что Калинин, его подчиненный, не преследовал никаких личных целей, наоборот, он стоял на страже не узко ведомственных, а государственных интересов, что, конечно же, является приоритетным. Не возвысил свой голос Александр Иванович, потому что побоялся, как это ни странно прозвучит. Хороший человек Нетунаев (это я искренне говорю, потому что хорошо его знаю), но... Не орел, нет, не орел! Он-то прекрасно знал, что значит ссать против ветра, даже ему, носящему на погонах генеральские звезды. Полковник, его подчиненный, не струсил, а он?..

4

Партноменклатура посчитала сие действие Калинина как предательский шаг. Предательство от кого? От того, кто является её выдвиженцем?! Не то плохо, что стал «вякать», будто он и есть самый умный, на всю огромную страну, а то, что даже прежде не удосужился прийти и посоветоваться.

На кого замахнулся? Кого ударил, в первую очередь? Начальника Нижнетагильского отделения железной дороги Михаила Петровича Шапошникова, с которым бок о бок некогда работал в аппарате Нижнетагильского горкома КПСС? Покусился на интересы, который открывает дверь кабинета первого секретаря обкома КПСС одной левой и который здоровается за ручку с секретарем ЦК КПСС Егором Лигачевым, с самим Лигачевым!?

Вот фрагмент одной из моих бесед с Калининным.

Журналист:

– Я знаю, как отреагировало на ваше выступление в печати железнодорожное начальство, – видел своими глазами, слышал своими ушами. А ваше, то есть прокурорское начальство?.. С одобрением, поди?

Прокурор:

– Да что вы!.. Так случилось, что вскоре после моего выступления в «Правде» состоялось всесоюзное совещание прокуроров. В Москве оно проходило. Тема другая, но все же грубо одернули: почему, мол, не согласовал с ними, то есть с Генеральной Прокуратурой?

Журналист:

– А ведь, в самом деле, ваш поступок непривычен даже сегодня, а тогда, на заре перестройки... Прокурор без одобрения сверху и шагу ступить не смел. И другое: по опыту знаю, как отбодряются от журналистов прокуроры, не желая делиться имеющейся информацией; ниже своего достоинства считали и считают сейчас публиковаться в газетах. Особенно по острым вопросам. Вы же...

Прокурор:

– Я нарушил неписаное правило, за что и поплатился.

Журналист:

– Что вы имеете в виду? Выговор объявили?

Прокурор:

– Хуже, гораздо хуже... Поплатился тем, что стал терять доверие власть предержащих, стал утрачивать имидж человека их круга.

Журналист:

– Это опасно?

Прокурор:

– Очень! Потому что на подобных «перерожденцах» партийно-государственно-хозяйственная номенклатура ставила жирный крест.

Журналист:

– Несмыываемый?

Прокурор:

– Практически, да. Клеймо «чужака» следует по пятам. Куда бы ни пришел – повсюду ты будешь в изоляции, окруженный стеной неприязни и подозрительности.

Журналист:

– Но вы, мне кажется, нарушитель и других неписаных правил поведения.

Прокурор:

– Одно из таких правил я попробую сформулировать: стой плечом к плечу; поддержи своего, если даже он падает; помоги выплыть, если даже начал тонуть, а он в долгу не останется.

Журналист:

– В народе их называли «непотопляемыми». Один из таких сейчас всплыл в моей памяти – Николай Чеченин. Был первым секретарем Серовского⁸ горкома КПСС. Попал в скверную историю, которая стала достоянием гласности. Тихо так «ушли» Чеченина. Знаете, где он сейчас?

Прокурор улыбается:

– Скорее всего, в Екатеринбурге «выплыл».

Журналист:

– Причем, опять же на номенклатурной должности. Он занимается «подбором, расстановкой и воспитанием руководящих кадров». Оклад побольше будет, чем прежде. И с жильем не худо: получил на себя и на жену трехкомнатную квартиру в центре Екатеринбурга. А ведь у нас люди стоят в очереди на получение жилья по несколько десятков лет. Не оказалось у нас ни одного прокурора, который бы поставил под сомнение законность получения жилья Чечениным.

Прокурор:

– Как я понимаю коллег! Жить среди своих приятнее во всех отношениях, чем прослыть чужаком.

Журналист:

– Кстати. В стане номенклатуры немало было и греховодников. Также все сходило с рук. Ну, в самом уж крайнем случае – передвинут-пересадят с одного кресла на другое.

Прокурор:

– Видимость реагирования... Непосвященные думали, что зло наказано, и социальная справедливость в социалистическом обществе восстановлена.

Журналист:

– Некоторые до сих пор ностальгируют: почему зря, мол, снимали, не смотря ни на чины, ни на звания.

Прокурор:

– С шумом снимали, но тихо назначали. Показуха... как и во всем другом.

Журналист:

– Иногда, правда, был печальный исход. Вот один такой факт. Был начальник локомотивного депо Свердловск-Пассажирский⁹. В партийных кругах слыл своим. Кажется, несколько раз даже избирался членом бюро Железнодорожного райкома КПСС Екатеринбурга. Иначе говоря, элита. Все у него складывалось хорошо. Но лишь до тех пор, пока не стал своевольничать. Его боссы решили приструнить. По-свойски. В узком кругу. Серьезный, видимо, состоялся разговор. Воспитуемый сорвался и наговорил в ответ много чего по адресу воспитателей. А знал он о своих «подельниках» много. Вместе ведь блудили. Погорячился мужик.

Прокурор:

– И что же было дальше?

Журналист:

– Случилось страшное. Выйдя из райкома КПСС, мужик, не заходя домой, вернулся на работу, побыл какое-то время в кабинете, спустился к ремонтникам, взял тяжелую шестеренку, моток проволоки и покинул родное предприятие навсегда.

Прокурор:

– А зачем ему понадобились шестеренка и проволока?

Журналист:

---

⁸ Серов – крупный довольно город на севере Свердловской области.

⁹ Из этических соображений фамилию не называю.

– Покинув депо, мужик прошел по улице Челюскинцев, остановился на мосту через городской пруд. Постоял, будто бы, с минуту. Потом привязал шестеренку к своей шее и бросился с моста вниз, в воду. И все!

Прокурор:

– В самом деле, страшная история... Он понял, что теперь его в покое не оставят и будут методически, изо дня в день «доставать». Мужик, взвесив все, решил за один раз решить проблему... Я его понимаю! Однако не одобряю.

Журналист:

– Я вспомнил этот трагический случай лишь для того, чтобы продемонстрировать, насколько опасно ссориться с номенклатурой: затопчет и глазом не моргнет. Вы, Василий Валентинович, понимали это?

Прокурор:

– Естественно. Я понимал и понимаю: или действую по Закону, отбросив прочь партийные пристрастия и корпоративные интересы, или уйду с этой работы. На сделку же с совестью... нет, никогда!

И с удовольствием говорю: он и в самом деле не пошел на сделку с совестью.

5

Номенклатура, попробовав несколько раз вернуть в свое лоно «*заблудшую овцу*», отказалась от затеи и плюнула. А потому атмосфера вокруг Калинина стала накаляться. Руководители сбросили маски. Руководители стали открыто заявлять, что пятилетний срок работы Калинина, отведенный законом, близится к концу, а о втором сроке пусть и не мечтает. Его судьбу решили. Решили не в Генеральной Прокуратуре, а здесь, в местном горкоме КПСС, чья реальная власть куда существеннее, чем даже власть Генерального прокурора, сводившаяся лишь к декоративному оформлению партийных решений.

Лучше других знал, что прокурорская песенка уже спета, начальник Нижнетагильского отделения Свердловской железной дороги М. П. Шапошников, поддерживавший приятельские отношения с тогдашним первым секретарем Свердловского обкома КПСС Ю. В. Петровым¹⁰. Шапошников, подражая тем, которые над ним, позволял себе весьма-таки пикантные выходки. И ничего. Руководителя даже не журили. Иные злорадствовали, поощрительно подхихкивая.

Как-то Калинин обратился к Шапошникову, обратился вполне официально, то есть с письменным запросом, в котором предлагал руководителю дать кой-какие пояснения по делу, интересующему правоохранительные органы. Ответ не замедлил себя ждать. На стол прокурора легла от руки написанная писулька. О деле – ни слова. Зато Шапошников изложил свое видение того, чем полагается заниматься Нижнетагильскому транспортному прокурору. Смысл можно свести к нескольким словам: кесарю – кесарево, слесарю – слесарево.

Получив подобное хамское послание одного должностного лица другому должностному лицу, Калинин идет и пытается объясниться лично. Разговора не получается. Прокурор уходит, а в след ему несется: «Мне такой прокурор не нужен!..»

Через какое-то время эти слова будут вынесены в заголовок материала одной из центральных газет (не стану скрывать: я к этому приложил немало усилий, используя свои связи в московских журналистских кругах). Разумеется, это было сделано с согласия Калинина.

Разразился грандиознейший скандал. Причем, опять же на всю тогда необъятную страну. Лично я и рассчитывал на скандал. Именно в нем видел спасение Калинина. Потому что все мои обращения в Генеральную Прокуратуру заканчивались формальными проверками и столь же формальными отписками. Необходимы были решительные действия, поскольку судьба того самого второго прокурорского срока, по сути, висела на волоске. Судьба прокурора Калинина была предрешена. Поэтому-то и нужен был публичный скандал.

И партноменклатура такой скандал получила!

В Генеральной Прокуратуре, побрызгав от злобы слюной в адрес Калинина, заодно и в адрес «писак»¹¹, которые заступились и не дали «потопить» столь нежеланного им человека, скребя сердцем, продлили-таки срок полномочий Калинина еще на пять лет. Известие об этом местную власть привело в шок. Оно и понятно: впервые за новейшую историю не они решили судьбу человека, а совсем другие.

---

¹⁰ Потом Петров станет главой администрации первого Президента России.

¹¹ Кстати говоря, потом в Свердловск специально приезжал ответственный сотрудник Генеральной прокуратуры, который, в частности, имел долгую беседу с автором этих строк. О чем? Чтобы убедить, что скандал не выгоден никому. Настоятельно просил спустить историю на тормозах. Ничего не вышло.

6

Это была настоящая победа. Как ею распорядился прокурор Калинин? Наилучшим, наиболее эффективнейшим образом.

Проявляя полное хладнокровие, Василий Валентинович делал свое дело. Делал, как надо, то есть по Закону. Продолжил, в частности, прокурорское расследование фактов разбазаривания государственного жилого фонда в Нижнем Тагиле.

Много нервов стоило ему это расследование. Известно, что одна из существенных функций тогдашнего прокурора – это надзор за полным и точным исполнением законов. Однако проверить, выявить какие-то нарушения – всего лишь, как считал Калинин, полдела. Важнее и ценнее другое – добиться устранения безобразий.

Как поступали и поступают многие прокуроры? А просто: провели проверку, составили надлежащий документ, то есть представление, направили должностному лицу, предложив принять соответствующие меры. Должностное лицо, получив «грозное» послание, прочтет, ухмыльнется и забросит в самый дальний ящик стола, чтобы глаз не мозолило. В лучшем случае, пришлет ответ-отписку: меры, мол, приняты, виновным указано, усилен контроль и так далее. Прокурор делает отметку, докладывает по начальству, мол, налицо действительность и эффективность прокурорской проверки. И волки сыты, и овцы целы – всем хорошо.

– Меня не понимают, – делился как-то со мной Калинин, – когда я возражаю против количественной оценки надзорной деятельности прокуратуры. Ну, зачем, спрашивается, проводить двадцать проверок, если не по одной из них нет реального результата? Может, хватит и пяти, но зато эффективных?

Трудно вас понять, Василий Валентинович! Столько человек «варится» в этом «котле», но по сию пору не освоил метод имитации кипучей деятельности, где главный итог – число родившихся бумаг за определенный промежуток времени.

Пример – материалы проверки исполнения жилищного законодательства на предприятиях Нижнетагильского отделения Свердловской железной дороги.

Но прежде одно пояснение. Ситуация с обеспечением железнодорожников жильем всегда была острой. Рабочие десятилетиями ждали (и ждут также сейчас) благоустроенную квартиру. Так что материалы проверки, проведенной прокуратурой, легли на благодатную, хорошо подготовленную почву. Общественность забурлила, закипели народные страсти. Еще бы! Мать троих детей, рядовая работница приходит всё к тому же печально знаменитому Шапошникову и чуть ли не на коленях взывает: *«Помогите! Невозможу с таким семейством дальше жить в крохотной коммуналке!»* И что? Её провожают с ухмылочкой и словами: мол, зачем так много наделали детей-то, коли негде жить?»

А тут оказывается... Калинин установил: при заселении лишь одного дома на руки выдано до десятка незаконных ордеров. Надо ли говорить, что ордера получили свои люди, то есть «блатники», ну, никак не подпадающие под категорию «остро нуждающихся в улучшении жилищных условий»?

Калинин направляет представление. Он не просит *«разработать мероприятия»*. Его требование предельно простое: незаконно выданные ордера должны быть возвращены назад, а лица, незаконно вселившиеся, обязаны вернуться в свои прежние квартиры.

«Давить» начали со всех сторон. Калинин же уперся и стоит на своем. Он продолжает слать представление за представлением. Ему даже предлагают компромиссные варианты, понимая, что теперь, после заступления на второй пятилетний срок, с ним не так-то просто совладать. Отказывается. Нарушение закона должно быть устранено, устранено полностью.

Понимал ли Калинин, что нет возможности добиться чего-либо, когда кругом всеобщий саботаж?

– Я – реалист. И отчетливо представлял, что будет трудно, почти невозможно что-либо исправить, учитывая, что люди уже вселились в новые квартиры и у них на руках вполне законные документы – ордера. Но мне хотелось показать общественности, простым людям, что и прокурор, если очень постарается, может кое-что для них сделать.

И ведь сделал-таки! Не на все сто процентов, но на восемьдесят – точно. Сколько сил ушло? Пусть читатель сам определит на одном лишь конкретном примере.

В локомотивном депо Нижний Тагил работал машинистом некий Редозубов. Кавалер ордена Ленина, коммунист. Начальство его сильно уважало, а потому систематически сажало в президиумы и городских, и областных мероприятий. А как же! Представитель пролетариата.

Редозубов как-то узнает, что готовится к сдаче жилой дом. Идет к начальнику отделения Шапошникову. Там его встречают с распростертыми объятиями. Совсем не так, как мать троих детей и к тому же беспартийную. Редозубов требует, чтобы и ему выделили квартиру в новом доме. Ему идут навстречу. Ну, как не порадовать кавалера ордена Ленина и коммунисту?

Редозубов получает ордер, вселяется в новую трехкомнатную квартиру. Хотя семья состоит лишь из него и его жены, то есть из двоих. Никак не укладывается в установленные нормативы. Ничего. Все можно сделать, когда человек нужный и удобный.

И урвал бы свой кусочек коммунист Редозубов от общественного пирога. Но, на его несчастье, вмешивается прокурор Калинин. Он считает, что нарушено жилищное законодательство, а потому Редозубов должен вернуться назад, в прежнюю двухкомнатную квартиру. Это предложение приходится не по душе Шапошникову. Он отказывается выполнять требование прокурора. Не в восторге от перспективы возвращения в старенькую квартиру и сам Редозубов. Он начинает обивать пороги партийных кабинетов, благо он, как знатный трудящийся области, везде вхож.

Партийная номенклатура говорит Калинин:

– Отступись. Не бродяга с улицы, а трудящийся человек.

– Не могу, – отвечает Калинин, – закон не позволяет. Редозубов никакой не «*остроноуждающийся в улучшении жилищных условий*», а потому не может и не должен проживать в трехкомнатной квартире, ордер ему выдан с нарушением установленного законодательства.

Калинин понимает, что одними представлениями он ничего не добьется.

1 июня. Тагилстроевский районный суд Нижнего Тагила рассматривает иск прокурора о признании ордера, выданного Редозубову, незаконным. Суд в удовлетворении иска отказывает. Оно и понятно: в суде-то у Шапошникова также свои люди, то есть номенклатура.

2 августа. Прокурор Калинин вносит кассационный протест на решение Тагилстроевского районного суда. Судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда рассматривает кассационный протест и признает его подлежащим удовлетворению. Решение суда, значит, отменено? Да, но это еще ничего не значит. Потому что дело возвращено на новое рассмотрение в тот же суд.

7 марта, но уже следующего года. Тагилстроевский районный суд повторно рассматривает протест прокурора. Вновь – отказ.

Понятно, на что рассчитывают. Как говорится, не мытьем, так катаньем.

20 марта. Калинин не успокаивается и потому вновь приносит кассационный протест в надзорную инстанцию.

18 апреля. Судебная коллегия по гражданским делам всё того же Свердловского областного суда протест Калинина оставляет без удовлетворения (так понимаю, что и там Калинин начинает вызывать аллергию), подтвердив тем самым законность (закон-то, что дышло) решения Тагилстроевского суда.

Номенклатура ликует. А как же иначе? Ненавистный ей, номенклатуре, человек потерпел полное фиаско. Это так: Калинин использовал все предусмотренные законом средства. Точ-

нее – почти все. У Калинина есть еще одна, но очень маленькая и довольно-таки призрачная надежда. Он идет на то, чтобы и этот шанс использовать.

4 мая. Калинин официально обращается к прокурору области и просит того, в порядке надзора, внести протест на определение коллегии по гражданским делам.

3 августа. Прокурор области приносит протест.

16 августа. Президиум Свердловского областного суда рассматривает кассационный протест прокурора области и принимает положительное решение, то есть решение Тагилстроевского суда признано необоснованным и незаконным.

9 октября. Дело возвращается из области в Нижний Тагил. Тот же суд вынужден вновь рассматривать иск прокурора Калинина о признании ордера, выданного Редозубову, недействительным. На этот раз суд принимает положительное решение: ордер недействителен, значит, Редозубов подлежит выселению из новой трехкомнатной квартиры.

В стане номенклатуры царит уныние. Не зря же в народе говорят: хорошо смеется лишь тот, кто смеется последним.

Полная и чистая победа. Радует ли это Калинина? Да, но не совсем. Проблема, которая вновь заставляет его действовать, заключается в том, что в решении суда есть один нюанс, с которым (из принципа!) Калинин не согласен. Калинин просил о чем? Он просил о том, чтобы, во-первых, ордер, выданный с нарушением закона, был признан недействительным (тут все в порядке); во-вторых, чтобы Редозубов вернулся в прежнюю квартиру, именно, в прежнюю, а не в какую-либо иную. Суд же записал пункт, которым обязал Шапошникова предоставить Редозубову другую квартиру.

А ведь это, по мнению прокурора, совсем не одно и то же. Получается так, что теперь, основываясь на решении суда Шапошников сможет вновь выдать ордер на квартиру, в том числе и на новую. Иначе говоря, Редозубов выезжает из одной новой квартиры и вселяется в другую, еще более новую.

28 ноября. Судебная коллегия по гражданским делам рассматривает кассационный протест прокурора Калинина, в котором он требует, чтобы в решение Тагилстроевского суда было внесено изменение. Судебная коллегия на этот раз вынуждена признать протест обоснованным.

10 марта другого года. Редозубова в принудительном порядке выселяют из незаконно полученной квартиры и водворяют в прежнюю, столь им нежеланную.

7

Вот такая двухгодичная тяжба. Она увенчалась полной победой. Кстати, это далеко не единственная победа прокурора Калинина по той самой прокурорской проверке, связанной с нарушениями жилищного законодательства на предприятиях железнодорожного транспорта.

Не прокурор, а кремень! Люблю я таких людей, для которых нет ничего дороже, чем истина. Побольше бы таких! Уж так мягковаты наши прокуроры, так мягковаты. Будто пластилиновые. Власть из них лепит все, что захочет.

Мне могут возразить: амбиции, мол, взыграли. Ну, а если и так, то что в том плохого? Ради торжества законности амбициозность могу признать и за огромное благо. И, наверное, не я один. Когда противоборствуют законность с беззаконием, то амбициозность прокурора лишь нам всем на руку.

И все же меня мучает вопрос: всегда ли Калинину удастся выйти победителем.

– Не всегда, – признается Василий Валентинович. – Скажем, с тем же разбазариванием государственного жилого фонда. Во-первых, не наказан непосредственный нарушитель закона, никак не наказан.

– Вы обращались к вышестоящему начальству?

– Конечно. Несколько писем писал начальнику Свердловской дороги. Никакой реакции... Во-вторых, я не могу, например, считать дело закрытым в отношении незаконно выданного ордера некой Жадаевой.

– Суд опять отказывается удовлетворить ваш протест?

– Не в том теперь дело. Суд, в конце концов, принял решение о признании ордера, выданного Жадаевой, недействительным. Однако решение все еще не исполнено.

– Почему?

– Говорят: нет квартир, куда бы можно было переселить Жадаеву.

– Может, они и правы? На улицу не выбросишь.

– А мне какое дело? Не я нарушил законодательство. Вот, пусть и думают они над решением проблемы. Пусть хоть в свою собственную квартиру вселяют.

– Мне почему-то кажется, что всякое теперь ваше письмо в различных инстанциях встречают с содроганием.

– Возможно. Слава-то обо мне, сами видите, не совсем... Но меня это не смущает, – Калинин улыбается, очевидно, вспомнив что-то. – Направил в Кушвинский¹² городской суд одно дело. Дело было рассмотрено, но без участия городского прокурора. Тамошний прокурор не принес протест. Время было упущено. Решение же суда вступило в законную силу, но меня не устраивает.

– Вашей же вины тут нет.

– Да, – соглашается Калинин, – но ведь торжествует несправедливость. Я вижу это. Я знаю об этом. Ну, как можно примириться?!

– И у вас возможности не безграничны.

– Да, это так, но я все-таки нашел выход. После того, как трижды входил с представлением в прокуратуру области, чтобы они, в порядке надзора, принесли протест...

– И как?

– Вообще не ответили. Знаете, что я сделал?

Видю, что Калинин улыбается.

– Интересно услышать, что вы на этот раз придумали?

– Я обратился к прокурору области с частным письмом...

---

¹² Кушва – город в нескольких десятках километров севернее Нижнего Тагила.

– Это что-то новенькое. Один прокурор обращается к другому, вышестоящему прокурору с частным письмом.

– Я посчитал: если на обращение надоевшего всем прокурора можно и не ответить, то письмо частного лица проигнорировать никак нельзя.

– Получили ответ?

Василий Валентинович смеется.

– Конечно! И, главное, прокурор области решение принял в мою пользу.

Вижу, что смех этот, фигурально выражаясь, сквозь слезы. Ну, да ладно...

8

И еще один маленький штришок к портрету моего героя.

Заходят к прокурору Калинину его общественные помощники, рабочие-железнодорожники. Один из них с порога и в лоб.

– Василий Валентинович, мы тут написали в газету о том, что железнодорожное начальство чурается рабочего класса. Да что там рабочий класс! Начальство стыдится сидеть рядом даже со своими инженерами.

Калинин не сразу понимает, о чем речь, поэтому просит:

– Нельзя ли поконкретнее, ребята?

– А мы – о столовой.

– Ну и что?

– Инженеры обедают в общем зале, а их начальство? В отдельном зальчике! Одни белые, а другие черные, что ли?

– Не пойму, куда вы клоните.

– Василий Валентинович, не притворяйтесь: вы все поняли, – он, прокурор, в самом деле, понял. – У нас к вам прямой вопрос: вы как, и дальше будете пользоваться тем самым начальственным «кабачком»? Вместе с теми?

Калинин, действительно, изредка забегал в тот самый «кабачок», чтобы скорёхонько перекусить. Услышав же вопрос, покраснел, опустил глаза, а потом тихо спросил:

– А вы как считаете?..

– С точки зрения морали, вы не должны пачкаться. Вы не их поля ягода.

Калинин поднял на мужиков глаза и улыбнулся.

– Ну, если не должен, то и не буду.

И после того в «кабачке» Василия Валентиновича никто не видел.

Крохотная деталька, но, на мой взгляд, очень важная и такая яркая. Совесть-то ведь и к лицу прокурора подходит. Еще как подходит!

Ему не надо судьбы иной

1

Итак, новое воспоминание...

Память услужливо подсовывает очередного героя – рядового судью Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда Игоря Андреевича Ермакова; судью, который всю свою жизнь посвятил честному служению Фемиде, то есть торжеству правосудия...

Вот я в зале (зал имеет форму полуовала) судебных заседаний Свердловского областного суда¹³. Слава Богу, не по принуждению очутился здесь, а исключительно по собственному желанию.

В центре, на небольшом возвышении, стол. За ним – три кресла с высокими спинками. Они пусты. Пока. Слева от меня за столом устроился государственный обвинитель. Справа – шумно заняли свои места сразу семь адвокатов. М-да, отмечаю про себя, силы явно не равны.

В тишине особенно режет слух скрежет отпираемых металлических дверей. Оттуда появляются конвойные. Они принимают меры предосторожности и лишь после этого по одному появляются подсудимые, привычно проходят за решетку из массивных металлических прутьев, занимают места на скамьях. Один, два, три... семь!

Передо мной в зале садятся потерпевшие. Их много. Возраст – разный, как говорится, есть и стар, и млад.

Чуть-чуть удивлен отсутствием телевизионщиков, которые обычно (вспомните ставшие вам, читатели, уже знакомые картинки на экране) так стараются крупным планом показать тех, кто за решеткой, но очень общо, размыто, мельком, походя, действительно главных действующих лиц процесса.

Повторю, удивлен. Но вскоре нахожу ответ. «Падальщики» остро чувствуют трупы и море человеческой крови, а в этом процессе героини, кажется, очень разочаровали «стервятников». Нет, они тоже занимались кровопусканием, но не то, чтобы уж очень. А что касается трупов, то совсем полный конфуз – ни одного. Где и в чем, короче, тут интересность?

Секретарь судебного заседания, милая и очень молодая девочка, студентка местной юридической академии, стараясь казаться очень строгой, поправляя очки, провозглашает:

– Встать! Суд идет!

Все встают. В зал входят трое в длинных черных судейских мантиях. В тишине они проходят и садятся в пустовавшие кресла. В центре – председательствующий на этом процессе Игорь Андреевич Ермаков¹⁴.

Он ровным голосом объявляет судебный процесс открытым. Идут соответствующие процедуры. Все пока в зале спокойно и ничто не вызывает опасений. Наоборот, у меня возникает мысль, что процесс пойдет ровно и гладко, что через неделю, другую будет оглашен приговор.

Признаюсь: ошибся здорово.

Потому что уже через пятнадцать минут произошла первая заминка. Судьи удаляются на совещание. Что же послужило причиной? Оказалось, в зале суда один из восьми подсудимых, отпущенный следователем под подписку о невыезде, отсутствует. И адвокаты, и семеро

---

¹³ В этом оригинальной архитектуры сооружении, что в самом начале улицы Малышева, многие годы размещался Свердловский областной суд; в настоящее время он переехал в новое специально построенное здание.

¹⁴ Все фамилии в книге подлинны, исключая, конечно, некоторых потерпевших.

других подсудимых высказались определенно: или пусть явится, или пусть дело в отношении его будет выделено в отдельное производство.

Судьи возвращаются. Ермаков оглашает определение: объявить розыск отсутствующего подсудимого, меру пресечения изменить, то есть взять беглеца под стражу. И только после этого продолжить рассмотрение дела.

По лицам всех тех, кто за решеткой, пробежала довольная ухмылочка: ищите, мол, ищите, а мы пока покайфуем.

Пауза. Она, правда, в интересах лишь одной стороны: «зэк» спит, а срок-то, тем временем, идет своим чередом и после зачтется...

Фрагмент моей беседы с И. А. Ермаковым, состоявшейся за несколько дней до начала описываемого процесса.

– Игорь Андреевич, припомните, с чего вы начинали?

– В качестве судьи? – переспрашивает он. Я краснею, потому что понимаю, что свой вопрос сформулировал не слишком удачно. И мне остается одно... подтвердить.

– Да.

– Ну... давно это было. По окончании юридического института...

– Нашего?

– Верно... Мне предложили, я согласился и поехал в один из городов на севере области – Североуральск¹⁵. Меня там избрали судьей. Нас в суде тогда было двое: председатель и я. Варился в собственном соку. И продолжал учиться... иногда – на собственных ошибках.

– И что это за «ошибки»?

Ермаков замолкает на несколько секунд и смотрит в окно. Ему, понимаю, не слишком-то хочется вспоминать.

– Вот... случай, который не забуду никогда. Решили мы рассмотреть одно уголовное дело с выездом на производство, где работал подсудимый. Красный уголок. Полно людей. Соответствующая атмосфера. К тому же молодая кровь судьи бурлит... Разгоряченно и размахнулся. Отмерил на всю катушку – семь лет лишения свободы. Осужденный не стал жаловаться. Но его последние слова все еще у меня в ушах: «Что-то слишком много...»

– Много?!

– В том случае хватило бы и четырех лет. По сути. Статья сто восьмая часть первая. Брат приревновал жену к брату и подколол. Ранее не судим. Не надо было перегибать... Конечно, вышел досрочно. Хорошо вел себя там. Но... все равно... жизнь человека не так пошла, как могла бы. Я сделал навсегда зарубку: размахивать орудием правосудия не всегда на пользу. Эмоции надо держать в «узде» – крепко держать.

– Вы поступили в соответствии с законом. Какая же это ошибка?

– Формально – нет. А по совести – да.

Я сказал:

– Позади – почти двадцать лет работы судьей...

Ермаков уточнил:

– Только в областном суде.

– Столько людей прошло перед вами... И ведь самых разных...

– Очень много. И все они далеки от идеала. Но я стараюсь быть хладнокровным. Спокойно выслушиваю все стороны процесса: подсудимых, потерпевших, свидетелей...

– И убийц?!

– Убийц – гоже. Тем более, что убийцей он будет признан лишь после постановления приговора, после вступления его в законную силу, а до тех пор...

Мы еще вернемся к этой беседе.

---

¹⁵ Примерно в пятистах километрах севернее Екатеринбурга.

2

...Шли дни, недели. Судебный процесс, в котором рассматривалось дело в отношении очередного бандитского сообщества (предполагаемые главари Халилов и Швецов), то возобновлялся, то снова прерывался и конца-края ему не было видно.

Нет, конец будет. Нет, будет и приговор. Но потом. А сейчас? Процесс идет своим чередом – так, как и предусмотрено уголовно-процессуальным законом.

Наверное, кому-нибудь и хочется с ним поскорее покончить, но только не председательствующему. Да и как? Как?! Если один из подсудимых (некто Мисулин) привык к свободе за время следствия и никак не хочет с ней расставаться и объявляться; если то один, то другой адвокат либо заболевают, либо заявляют все новые и новые ходатайства, отказать в которых Ермаков и его коллеги-судьи не вправе; если в деле то и дело появляются «огрехи», допущенные в ходе предварительного следствия, которые суд вынужден по ходу устранять. Достаточно лишь необоснованно отказать в удовлетворении одного ходатайства или прикрыть глаза на «грешок» следователя, как пиши – пропало. Многомесячная и многотрудная работа пойдет насмарку. Адвокаты ведь не упустят такой возможности. Вон их сколько – семеро и все зрят в два глаза. И всем или почти всем страсть как хочется «подловить» суд. Так что ухо приходится держать остро, а иначе жди пощечину из Москвы... в виде отмены приговора. А кому, по доброй воле, хочется получать затрещину? Ермакову – как и всем.

Да и дело, как мне показалось, даже не в этом. Не может и не хочет Ермаков работать, все время оглядываясь на надзорную инстанцию. Хорошо делать свою работу – не Москве это надо, а ему самому, прежде всего.

...Вновь зал судебных заседаний. На скамье подсудимых Халилов, Балетинских, Зиборов, Савельев, Швецов, Устюжанин, Смолин (те же самые семеро смелых) по привычке занимают места за решеткой. Они хорошо выглядят – бодро и независимо. Иногда, переглядываясь с соседями, улыбаются. Возможно, радуются, что Мисулина (восьмого подсудимого, неожиданно исчезнувшего перед самым началом процесса) все еще не нашли, а потому суд вынужден дело в отношении него выделить в отдельное производство. А ведь предварительное следствие (я так почувствовал) особенно опиралось именно на его показаниях. Теперь же... Позиции обвинения сильно ослаблены. Естественно, и судьям не стало легче. И все же...

3

В зал вводят Дмитрия Преображенского. Его сопровождают конвоиры. Он – подследственный, однако совсем по другому делу. Ему еще предстоит суд за кражу чужого имущества. Здесь же он присутствует в качестве свидетеля.

Ермаков:

– Скажите, кто из подсудимых вам знаком?

Преображенский, немного помявшись, отвечает:

– Знаю Швецова, Устюжанина.

Ермаков:

– При каких обстоятельствах познакомились?

Преображенский:

– В СИЗО. В одной камере сидели с... Швецовым. В мае я освободился. Жил на Исоплите¹⁶, в частном доме. Сожительствова с Натальей Гусевой. В июне-июле того же года вместе с нами проживал и Швецов.

Ермаков:

– Вы знали, чем занимается Швецов?

Преображенский:

– От него знал, что он изготавливает керамическую плитку. Помимо этого мне ничего не было известно.

Ермаков:

– Скажите, в вашем доме был изъят милицией дипломат?

Преображенский:

– Да.

Ермаков:

– Опишите, как он выглядел.

Преображенский:

– Дипломат как дипломат. С кодовыми замками. Коричневый.

Ермаков достает дипломат и показывает так, чтобы видел не только свидетель, но и все другие участники судебного процесса.

– Этот?

Преображенский, крайне нехотя, отвечает:

– Да, этот.

Ермаков:

– Расскажите об обстоятельствах, при которых его у вас изымали.

Преображенский:

– В окно увидел, что подъехала милиция. Я кинулся в комнату, где стоял дипломат.

Решил его спрятать.

Ермаков:

– Зачем? Вы знали, что в нем?

Преображенский:

– Мне известен был код замка. Я ранее открывал.

Ермаков:

– Что было в дипломате?

Преображенский:

– Обрез охотничьего ружья, нож, маски с прорезями для глаз.

---

¹⁶ Окраинный микрорайон Екатеринбурга.

Ермаков:

– Ваши дальнейшие действия?

Преображенский:

– Открыл дипломат. Достал обреза, нож. Хотел выбросить в окно, но там, на улице, стоял милиционер. Поэтому нож забросил под кровать, а обрез спрятал в шкафу. На другое времени уже не было. Вскоре ввалилась милиция.

Ермаков:

– Чей это дипломат? Ваш?

Преображенский, только что отвечавший на вопросы почти без запинки, вдруг замялся, заикался.

– Не... нет... мне его оставили на хранение.

Ермаков настаивает:

– Пожалуйста, назовите владельца дипломата.

Выражение лица Преображенского при этом мне неизвестно. Он ко мне находится спиной. Вижу лишь, что стал переминаться с ноги на ногу.

– Оставил... на время... Шаринкулов. Пусть, говорит, постоит несколько дней.

Суду известна эта впервые прозвучавшая фамилия, мне – нет. Потом узнаю, что это еще один из бандитов, ударившийся в бег, на него объявлен розыск и дело, видимо, в отношении него также выделено в отдельное производство.

Ермаков:

– Вы не оговариваете?

Преображенский:

– Нет. Мне это ни к чему.

Ермаков предостерегает:

– А вы знаете, что Шаринкулов недавно задержан?

Преображенский:

– Да, знаю. Но это – неважно.

Ермаков:

– Хорошо, – он листает документы и находит нужные. – Оглашается показания Преображенского, находящиеся в том же листе дела сто пять и сто шесть...

Выслушав, я не мог не задаться вопросом: Преображенский наврал, но вот когда – раньше или сейчас? Давал или дает заведомо ложные показания? Это же (в гораздо большей степени, чем меня) живейшим образом интересует председательствующего. Впрочем, не только его.

Ермаков вновь обращается к свидетелю:

– Это ваши показания, – он демонстрирует листы документа, – это вы писали?

Преображенский:

– Я писал... Я оговорил Швецова. Это – не его дипломат. Это – Шаринкулова дипломат.

Ермаков:

– Допустим. Но зачем вы писали неправду?

Преображенский:

– Меня задержали на тридцать суток... Меня били в ИВС. Меня склонили к даче тех показаний, которые нужны были следователю... Следователь намекнул, что есть возможность выйти на свободу, если я под его диктовку напишу, что ему надо.

Известная уловка. Даже для меня не блещет оригинальностью, а для профессионалов – тем более.

Замечаю, как по дьявольскому лицу одного из подсудимых – Швецова, находящегося за решеткой, проскальзывает еле уловимая ухмылочка: он доволен.

А Ермаков? Его лицо ничто не выражает, поэтому не могу догадаться, что сейчас думает председательствующий, чему больше верит – тому, что писал Преображенский после задержа-

ния, или тому, что говорит сейчас, в зале суда? Скорее всего, он еще не определился. Ведь впереди предстоит еще исследовать немало документов. И окончательно все узнают мнение суда о том, кому все же на самом деле принадлежал дипломат со всей бандитской экипировкой, только после оглашения приговора.

4

И я не намерен забегать вперед. Во всяком случае, вижу, что Ермакова интересуется истина и к ней он стремится. Он настойчиво ведет допрос Преображенского. Свидетель тоже не дурак: чувствует, что ему крайне нужна передышка, а иначе может запутаться в собственных же противоречиях.

Что предпринимает Преображенский? Опять-таки самое традиционное: он на моих глазах скидает и голос, который еще несколько минут назад звучавший твердо и уверенно, обмякает. Свидетель разыгрывает комедию, разбавленную драматическими тонами.

Преображенский:

– Граждане судьи, – с большим трудом и еле слышно произносит он, – я не могу дальше давать показания...

Ермаков спрашивает, хотя, наверняка, заранее знает ответ:

– Что с вами?

Преображенский жалостливо канючит:

– Я три предыдущих ночи не спал... У меня температура... давление. Я – болен.

Ермаков:

– К врачу обращались?

Преображенский отвечает отрицательно.

Ермаков:

– Почему по ночам не спите?

Преображенский:

– Вы же знаете... условия в СИЗО.

Да, не правительственный, конечно, санаторий этот следственный изолятор. Однако ж, чего ждал Преображенский, вновь занявшись тем, за что там он уже побывал в не столь уж давние времена? Комфортных условий? За что? За какие такие заслуги. После первой отсидки у него был шанс больше туда не возвращаться. И выбор сделал он. Значит, его там все устраивает. Значит, ему там лучше. Значит, он считает: в тесноте, но не в обиде.

Все это я могу сказать. А Ермаков? Не имеет права. И хотя, возможно, догадывается, что свидетель финтит, симулирует. Но не доказано. Как доказать? Необходимо медицинское обследование. В областном же суде даже давление измерить некому. Увы, но это факт.

Ермаков:

– Допрос свидетеля прервем. Пусть лечится... В понедельник – продолжим.

5

Пока приводят в чувство Преображенского, имею возможность привести еще один фрагмент моей беседы с Ермаковым, состоявшейся (напомню еще раз) до начала судебного процесса.

– Игорь Андреевич, вам приходится рассматривать просто-таки жуткие дела, документы которых не умещаются в десяток томов...

– Десять – это мало. Бывают дела по пятьдесят, шестьдесят томов, а иногда – за сотню.

– Как себя чувствуете?..

– В каком смысле? В психологическом?

– Не только, – говорю я. – Потому что и чисто физически совсем непросто. Ведь чтобы мельком «пробежать» все эти тысячи документов требуется много времени...

Ермаков спешит с уточнением:

– Но я не могу «мельком», как вы говорите. Я должен, даже обязан тщательно изучить, сопоставить, проанализировать, глубоко вникнуть в существо дела. А иначе никак!

– И сколько же времени вам отводится на это изучение документов?

– Практически, нисколько.

– Как так?

– Рассматривая одно дело, я сразу начинаю готовиться к следующему процессу. Для этого использую неизбежные паузы. Например, адвокат заболел, свидетель не явился, подсудимый заявил неожиданное ходатайство, на удовлетворение которого нужно время. И еще – свое личное время использую. Приходится. Другого выхода не вижу,

– Но этого мало...

– Согласен. Надо бы, как минимум, месяц на подготовку к процессу

– А этого «месяца» не было, нет и, кажется, в обозримом будущем не предвидится. Дела же рассматривать надо... несмотря ни на что. Где, Игорь Андреевич, выход? Не идете же вы на процесс, не прочитав материалы дела?

– Естественно, нет. Выход же из ситуации нахожу в самоорганизации...

– Может, поясните?

– Вот, смотрите, – Игорь Андреевич вынимает из ящика стола листы бумаги, – это – мое так называемое рабочее досье следующего уже судебного процесса. Видите, здесь я расписал и наглядно показал участие каждого из обвиняемых в каждом отдельно взятом эпизоде, их взаимосвязь, взаимодействие друг с другом. Зачем? Чтобы наглядно видеть, кто, как, где, с кем и в какой мере участвовал в инкриминируемом деянии. Затем сажусь за машинку и сам распечатаваю показания обвиняемых, потерпевших, свидетелей, выявляю противоречия, если они есть; привожу ссылки на лист дела и на соответствующий том уголовного дела, где они находятся. Если понадобится, то без труда и потери времени нахожу нужный мне документ. Это существенное подспорье, когда дело насчитывает до сотни томов. Без такого досья можно и утонуть в море бумаг. Плюс, конечно, и четкое планирование будущего судебного процесса. Бывают, ясно, и сбои, неожиданности, но в целом...

– Вот вы все это загодя сделали, начали процесс, судебное следствие и...

– И, – подхватывает мою мысль Ермаков, – выясняется что-то новое, не предусмотренное, не выявленное в ходе предварительного следствия.

– Так разве не случается?

Судья соглашается:

– Бывает. И даже очень часто. Но досье все время перед глазами, поэтому тут же, по ходу судебного следствия вношу новые обстоятельства, доказательства, делаю корректировку. Иногда – очень существенную. Настолько существенную, что суд вынужден признать подсудимого

невиновным в совершении преступления по какому-то конкретному эпизоду... Нет, досье – не догма для суда, а всего лишь черновой рабочий материал, который в процессе еще надо суметь либо подтвердить, либо, наоборот, исключить из обвинительной базы...

6

Обрываю беседу, так как возникает потребность вернуться в зал судебных заседаний, где процесс над бандитами, точнее – над обвиняемыми в бандитизме, идет своим чередом.

В этот день суд посчитал необходимым вернуться еще раз к допросу подсудимого Балетинского.

Ермаков:

– Скажите, когда в последний раз освободились?

Балетинских:

– В марте.

Пусть читатель не подумает, что такой банальности председательствующий не знает. Он знает. Отлично знает это и все остальное. И тем не менее просит подсудимого ответить на вопрос. Зачем? За тем, чтобы услышать ответ от него самого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.